
Станюкович К.М. Собр.соч. в 10 томах. Том 1. -- М.: Правда, 1977.
OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 14 апреля 2003 года

{1} -- Так обозначены ссылки на примечания соответствующей страницы.

I

Чуть-чуть покачиваясь на затихавшей зыби и вздрагивая от быстрого хода, подходил наш клипер к берегам Калифорнии.

Было прелестное сентябрьское утро. Солнце уже высоко поднялось на ярко-голубом небе, подернутом белоснежным кружевом убегающих перистых облачков, и заливало палубу ярким блеском. От присмирившего океана веяло свежестью и прохладой. Дышалось полной грудью.

Обрывистые красные берега, окутанные по верхам золотистой дымкой тумана, уж отчетливо видны простым глазом. Вдали, на высоком холме, у входа в бухту, белеется башня маяка. Все чаще и чаще попадаются навстречу суда, и малютка-пароходик, с ярким флагом на мачте, поднимаясь с волны на волну, несется к клиперу. Это -- лоцман, и с ним, конечно, пачка последних американских газет.

Все вышли наверх из душных кают, и палуба забелела множеством матросских чистых рубаш. Все празднично настроены. Все просветлели, охваченные радостным ожиданием "берега".

После тридцатидневного бурного перехода с постоянной качкой, тревожными вахтами со шквалами, дождем и нередкими окриками боцмана среди ночи: "Пошел все наверх третий риф брать!", -- после прискучивших консервов за обедом и однообразных разговоров в кают-компании, надоевших всем, как и физиономии друг друга, после скучных стоянок в китайских портах, -- эта "жемчужина Тихого океана", как называют янки Сан-Франциско, сулила немало удовольствий. Всем хочется поскорей увидеть этот диковинный город, выросший со сказочной быстротой, и среди молодых офицеров уже идут оживленные толки о съезде на берег.

И на баке -- этом матросском клубе, где устанавливаются репутации и обсуждаются все выдающиеся явления судовой жизни, -- вокруг кадки с водой для курильщиков (в другом месте курить матросам нельзя) собралась толпа. И там разговоры, разумеется, о "береге".

Общий любимец, добродушный, веселый и смелый до отчаянности марсовой Якушкин, которого все почему-то зовут Якушкой, хотя Якушке уж под сорок лет, -- передает свои впечатления о Сан-Франциско, где он был три года тому назад, когда в первый раз ходил в кругосветное плавание.

По словам Якушки, город веселый, народ бойкий и живет вольно, кабаков много, и водка хорошая -- виска по-ихнему; табак -- дрянь против нашего, зато шерстяные рубахи можно похвалить: носки и дешевы.

-- А насчет чего другого-прочего, братцы, так дорого...

Он ухарски подмигнул бойким черным глазом из-под темных взъерошенных бровей, придававших его смуглому, широкому, скуластому лицу с шапкой на затылке забубенный вид заправского лихого матроса, прижал корявым, почерневшим от смолы пальцем огонь в своей трубочке, цыкнул по-матросски в кадку и, расставив свои короткие, крепкие босые ноги фертотом, не торопясь, прибавил:

-- Зато и форсисты шельмы, я вам скажу!

-- Ну?! -- раздалось из толпы.

Очевидно, довольный произведенным эффектом, Якушка продолжал:

-- Но только пьяного, братцы, не пушают... ни боже мой! А ежели ты пришел пьяный, тебя сейчас мамзель честью по загревку... И не пикни! Потому у их бабам уважение. Какая ни есть, а уважать!

В толпе смеются. На многих лицах недоверие, и кто-то иронически замечает:

-- Чудно что-то, Якушка!

-- Чудно и есть, а только я верно вам говорю -- бабу обидеть не смей!